

От переписки Вадима Сидура и Карла Аймермахера *О деталях поговорим при свидании...* к переписке Юлии Сидур и Карла Аймермахера *Время новых надежд* — свидетельство эпохи

Иоанна Мянговска

ABSTRACT: This paper examines the letters exchanged between Vadim Sidur and Karl Eimermacher, and Julia Sidur and Karl Eimermacher in the context of the influential testimony of the 20th century. In the letters from Vadim Sidura addressed to Karl Eimermacher — the German Professor of Slavic Studies — the predominant issue discussed is the artistic work of the former and his future plans: exhibitions, books, catalogues; it also covers in detail the culture of the epochs of Leonid Brezhnev, Yuri Andropov, and the early years of Mikhail Gorbachev's activity. Letters authored by Vadim Sidura's wife Julia, written after his death, convey descriptions of perestroika and the atmosphere within the culture of the 80s. It is worth noting that both addressers are critics not only capable of noting particular phenomena, but also keen of providing analytical judgements. This exchange happens to be a significant testimony of the times of perestroika and the convoluted events accompanying the political transformation. Importantly enough, it shows both that part of society which yearns for preserving the old political system, and those citizens who actively participate in the creation of the new society and its structures. Both collections of letters along with the facts, descriptions, and evaluations they cover, boil down to a testimony of an epoch in which dialogue has been — and still is — possible.

KEY WORDS: epistolography, correspondence, dissidents, sculpture, graphic arts and painting, internal migrant, the culture of perestroika

Имя Вадима Сидура, ушедшего из жизни в 1986 году, стало общеизвестно в СССР лишь в годы перестройки. Его графика и скульптуры хранятся ныне в Третьяковке и Русском музее, в галереях Касселя и Дрездена, а также в университетском музее в Нью-Йорке¹. Вадим Сидур — это также автор прозаического произведения *Памятник современному состоянию* и сборника стихов *Самая счастливая осень*². Благодаря его сыну Михаилу

¹ И. Ма к: *Формула Сидура*. <http://www/lechaim.ru/1136> (доступ: 10.07.2015). Работы Сидура дополнили также собрания таких известных людей как С. Бекетт, Г. Бёль, М. Кундера, Г. Шмидт, Н. Додж и К. Аймермахер.

² В. Сидур: *Памятник современному состоянию*. Москва 2002; В. Сидур: *Самая счастливая осень. Стихотворения 1983—1986 гг.* Москва 1990.

и жене Юлии Сидур был создан еще в 1993 году Московский государственный музей Сидура в Новогиреево, а с ноября 2013 года усилиями друга Сидура Карла Аймермахера в Российском государственном архиве литературы и искусства был создан фонд скульптора Вадима Сидура³. Автору более 500 скульптур и тысячи графических работ, а также произведений прозы и поэзии посвящена монография, изданная в Быдгоще в 1999 году, в период, когда были опубликованы лишь фрагменты его прозы⁴.

С тех пор многое изменилось. Вышла отдельной книгой проза Сидура и две переписки. Одна из них — это переписка друзей — В. Сидура и К. Аймермахера *О деталях поговорим при свидании...*, которая продолжалась 15 лет — с 1971 года по 1986 год⁵. Это необыкновенное свидетельство эпохи. В письмах много фактологии и, хотя друзья жили по разные стороны железного занавеса, это не мешало им сосредоточиться на главном — творчестве, повседневности в искусстве. Недаром 15 декабря 1984 года Сидур напишет: «Наши письма являются чем-то вроде дневниковой исповеди и летописью»⁶. К этой переписке вернемся в нашем исследовании.

Начавшаяся после смерти Сидура в 1986 году другая переписка, Юлии Сидур и немецкого слависта Аймермахера, продолжалась до 1992 года. Книга с перепиской была издана лишь в 2014 году⁷. Переписка стала источником по эпохе перестройки.

Эпистолярная литература в России, взявшая свое начало от *Писем русского путешественника* Н. Карамзина и писем Д. Фонвизина П. Панину *Записки первого путешествия* (XVIII век), развивалась в XIX веке благодаря таким именам, как А. Пушкин, П. Чаадаев, Н. Гоголь и А. Чехов, а в XX веке — А. Блок, И. Бунин, В. Маяковский и другие⁸. В современной науке существует мнение, что переписка — это явление, соединяющее различные жанры и стили. В свое время М. Бахтин писал: «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами»⁹. К речевым жанрам М. Бахтин относил письмо в его разнообразных формах. Следуя

³ На сайте: <http://www.rusarchives.ru/news/rgali-press-conf-sidur-2013.shtml> (доступ: 15.07.2015).

⁴ И. Мянновска: *Мир Вадима Сидура*. Быдгощ 1999.

⁵ В. Сидур, К. Аймермахер: «*О деталях поговорим при свидании...*». *Переписка*. Москва 2004. Все 2 цитаты даются по этому изданию.

⁶ *Ibidem*, с. 836.

⁷ Ю. Сидур, К. Аймермахер: «*Время новых надежд...*». *Переписка 1986—1992*. Ред. В. Воловников. Москва 2014. Все цитаты даются по этому изданию.

⁸ *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Гл. ред. А. Николюкин. Москва 2001, с. 1234—1235.

⁹ М. Бахтин: *Постановка проблемы и определение речевых жанров*. В: *Ibidem*: *Автор и герой: К философским основаниям гуманитарных наук*. Санкт-Петербург 2000, с. 250.

соображениям ученого, на наш взгляд, частная переписка — это своеобразный гипержанр, ибо в ней содержится не только передача информации, но и само общение, зависящее от личностей автора письма и адресата, а также ситуации общения. Письма В. Сидура К. Аймермахеру и К. Аймермахера Сидуру, а также переписка Ю. Сидур и К. Аймермахера требует, на наш взгляд, не только литературоведческого, но и философско-социального подхода, ибо в этих письмах содержится информация не только о эпохе, но и о ее пространственно-временном общении.

Обратимся к переписке Вадима Сидура с Карлом Аймермахером, профессором-славистом из Бохума, историком литературы, который открыл российского скульптора и графика миру, издавал о нем альбомы и организовывал выставки его произведений искусства. Это своеобразный диалог друзей-единомышленников, которые в сложные 70-е — доперестроечные времена с помощью почты решали проблемы, связанные с творчеством, с событиями и фактами той эпохи.

Их знакомство началось еще в 1970 году, когда Аймермахер приехал в Москву со своими научными целями. В доме у Инны Абрамовны Бернштейн, филолога и литературного критика, а также переводчика, произошло это знакомство¹⁰. Аймермахер тогда не предполагал, что в СССР увидит произведения искусства, свидетельствующие о взаимосвязи анализа (элементаризация, сегментация признаков, вариации от скульптуры к скульптуре) и синтеза (выработка всеобъемлющей взаимосвязи)¹¹. По возвращении из Москвы уже в 1971 году Аймермахер организует первую персональную выставку произведений Сидура — сначала в Швейцарии (Фрауенфельде), а затем в немецком Касселе¹². В переписку включено также письмо Аймермахера, направленное западно-германскому слависту, находящемуся тогда в Москве, Хельмуту Яхно. А в нем такие слова: «Выставка во Фрауенфельде [...] произвела на некоторых посетителей столь сильное впечатление, что они сейчас выясняют возможности проведения в Вене, Сен-Галлене и в Цюрихе отдельной выставки произведений Вадима Сидура»¹³.

Стоит отметить, что многие скульптуры Сидура были созвучны произведениям его великих современников на Западе. Этот круг составляли лидеры модернистской пластики XX века Г. Мур и О. Цадкин, Ж. Липшиц, А. Джакометта и другие, что многократно подчеркивалось критикой¹⁴.

¹⁰ В. Сидур, К. Аймермахер: *О деталях поговорим при свидании...*, с. 1038—1039.

¹¹ K. Eimermacher: *Vadim Sidur, Skulpturen. Grafik*. Konstanz 1978.

¹² В. Воловников: *Скульптуры Вадима Сидура в Германии*. http://partner-inform.de/partner/detail/2013/1/237/5809_skulptury_vadima_sidura (доступ: 07.07.2015).

¹³ В. Сидур, К. Аймермахер: *О деталях поговорим при свидании...*, с. 22.

¹⁴ М. Сидур: *Послание из Атлантиды*. В: В. Сидур: *Памятник современному состоянию...*, с. 14.

Соседом Сидура на выставке был скульптор-эмигрант с 1976 года Эрнст Неизвестный. Признание он получил на первой выставке «неформалов» в 1962 году в Москве, когда Н. Хрущев обозвал его «формалистом»¹⁵. В переписке друзей имя Э. Неизвестного появляется часто и не всегда в положительном отношении¹⁶. Э. Неизвестный жил в Швеции и США, а в последние годы работал в России (умер в августе 2016 года в Америке). Сидур, слушая радио Би-Би-Си, узнает о выставке Неизвестного в Лондоне, сообщает об этом своему немецкому другу: «Не забывай, что вся эта информация дошла до нас через довольно сильное глушение»¹⁷. Написанное — это примета времени, хотя письмо от 21 января 1985 года.

70-е годы были периодом ожесточенной борьбы советской власти против эмиграции и эмигрантов. Лишенные советского гражданства писатели и представители интеллигенции, составившие третью волну русского исхода в XX веке, нашли свое место в переписке Вадима Сидура и Карла Аймермахера. Среди них Голомшток Игорь Наумович, искусствовед, выступивший в суде в защиту писателей Ю. Даниэля и А. Синявского, за что получил наказание — три года исправительно-трудовых работ. В эмиграции с 1972 года¹⁸. Он и другой искусствовед и коллекционер современного русского искусства, организатор выставки 24-х художников, разогнанной властями при помощи бульдозеров (15.09.1974), Глезер Александр Давидович (эмигрант с 1975 года), были организаторами выставки в Лондоне работ 51 художника из СССР и в эмиграции. Сидур отказывает в своем участии в этой выставке и сообщает своему немецкому другу: «Как ты знаешь, я одиночка и не принадлежу ни к какому направлению и ни к какой группе. Я твердо убежден в том, что художнику в моем возрасте и с таким количеством произведений, как у меня, необходима собственная выставка»¹⁹. Стоит отметить, что Сидур не участвовал в коллективных выставках, тем самым подчеркивая свою индивидуальность. А если и были исключения, то касались они выставок особо представительных, как известно в условиях всезапретности и всезакрытости — на Малой Грузинской, на ВДНХ или в лондонской галерее²⁰. В переписке отмечен интересный факт, что Сидур во время разговора с Ю. Любимовым не согласился на его предложение стать художником театра на Таганке, что также свидетельствует о его творческой независимости²¹.

¹⁵ *Мир русской культуры*. Энциклопедический справочник. Научный ред. А.Н. М я г и н. Москва 2000, с. 325.

¹⁶ Л. Рабичев: *Манеж 1962, до и после*. „Знамя” 2001, № 9, с. 143.

¹⁷ В. Сидур, К. Аймермахер: *О деталях поговорим при свидании...*, с. 872.

¹⁸ *Ibidem*, с. 1044.

¹⁹ *Ibidem*, с. 56.

²⁰ *Ibidem*, с. 1047.

²¹ *Ibidem*, с. 1046.

Свидетельством эпохи являются в переписке имена диссидентов, выдворенных волею судьбы из СССР. Назовем часто появляющиеся в письмах Сидура Аймермахеру и Аймермахера Сидуру — среди них Олег Григорьевич Киселев, снявший документальный фильм о В. Сидуре, Шелковский Игорь Сергеевич, скульптор, график и живописец, главный редактор парижского журнала «А-Я». Стоит отметить, что в № 3 за 1981 год опубликовано семь фотографий скульптур В. Сидура²². Стоит сказать, что в переписке в условиях советской цензуры диссиденты часто не назывались ни Сидуром, ни Аймермахером. Так в письме немецкого слависта лаконично информируется: «Прибыла та книга, которая была распродана (4-й тираж). Скоро она будет»²³. Здесь речь идет о книге А. Зиновьева *Зияющие высоты*. Стоит отметить, что роман А. Зиновьева *Зияющие высоты* был впервые опубликован в Швейцарии в 1976 году. Его автор, диссидент, в эмиграции с 1977 года, вернулся обратно в Россию после возвращения ему советского гражданства в 1990 году²⁴. О Зиновьеве, его романе-сатире на советскую действительность, как и о других произведениях инакомыслящего, в переписке (особенно в письмах Сидура) много сказано. Сидур советует Аймермахеру прочесть книгу Зиновьева *Гомо советикус*: «Во-первых, она в несколько раз короче его предыдущих книг. Во-вторых, он наконец подходит к тому, что можно назвать литературным художественным стилем, а в-третьих, там, на наш взгляд, невероятно точно описана эмигрантская среда [...]»²⁵. Однако Сидур отмечает и недостатки в книгах Зиновьева, когда он пишет: «это рассуждения совершенно растленной личности, совершенно не верящей в то, что еще остались на свете люди, не желающие продаваться, могущие прожить без коллектива и занимающиеся своим делом ради самого этого дела т.к. это и есть их жизнь»²⁶. Сидур не согласен с оценкой Зиновьева насчет изменений в СССР. В письме от 18 октября 1982 года Сидур Аймермахеру пишет: «Если верить Зиновьеву, то мало изменений происходит в нашей стране»²⁷. Однако скульптор отмечает «наша власть подобрела», дает также примеры разрешения выезда в ФРГ и из ФРГ в СССР жен диссидентов, а также — профессора Эткинда и писателя Терца-Синявского. В ноябре 1985 года Сидур, продолжая разговор о Зиновьеве после интервью писателя в журнале «Экспресс» на французском языке, данное известному слависту Жоржу Нива, радуется, что не пустил его в свой Подвал перед отъездом на Запад. Интервью скульптор

²² Ibidem, с. 1076.

²³ Ibidem, с. 153.

²⁴ Монография о Зиновьеве: L. Suchanek: *Homo sovieticus. Światłana przyszłość. Gnijący Zachód. Pisarstwo Aleksandra Zinowiewa*. Kraków 1999.

²⁵ В. Сидур, К. Аймермахер: *О деталях поговорим при свидании...*, с. 515.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibidem.

называет «исповедью завистника», который: «ставя себя над нациями, Зиновьев с абсолютной очевидностью превращается в русофила-шовиниста, заявляя, что евреям в России всегда жилось хорошо, никаких погромов не было (правда потом, прижатый к стенке, оговаривается, что он имел в виду время после 17 года)»²⁸.

В переписке друзей стоит отметить дух веления времени, т.е. изменений, приведших позже к перестройке. Писатель Маканин (его произведения Сидуру неизвестны) после критики в «Правде» получает разрешение на выезд в ФРГ. ФРГ, как и Англию, посетит также Юнна Мориц. В письме от 6 июня 1985 года Сидур дает свою оценку фильма о жизни и деятельности Андропова: «Судя по всему, история нашей страны будет начинаться теперь с Ленина, немного продолжаться Сталиным, потом Андроповым и завершаться Горбачевым»²⁹. Советская действительность явно меняется. Сидур открыто пишет о литераторах-эмигрантах — Аксенове, читающем по «Голосу Америки» свой новый роман *Скажи изюм*, Викторе Некрасове (его журчании-бормотании), а также: «еженедельно по „Свободе“ что-то бормочет Максимов. О чем-то вещает Володя Войнович» и далее суровая оценка: «это совершенно неинформативно [...] то есть нет информации как таковой, нет яркого ораторского искусства, нет литературы — есть отработка и зарабатывание»³⁰. Сидур кроме информации о писателях-эмигрантах сообщает своему немецкому другу о «завываниях наших собственных сук Евтушенко и Вознесенского» на радиостанции «Голос Америки». Одновременно Сидур видит происходящие изменения и он пишет: «наша страна явно переживает что-то вроде революции. Поэтому слушать Горбачева интереснее всего»³¹. Конец 1985 года был ознаменован съездом писателей РСФСР, о чем Сидур информирует своего друга как и об отношении к съезду «Голоса Америки» и «Нью-Йорк Таймс». Интересна констатация скульптора насчет произнесенных на съезде речей: «речь лизожопа „Евуды“ Евтушенко нам все-таки ближе по душе, чем речи лизожопов-почвенников В. Белова и Е. Носова»³². Если предыдущие годы Сидур определяет «безвременьем» и последующим «межвременьем», то 3 февраля 1986 года в письме Аймермахеру ситуацию в СССР он называет «смутное время». Однако некие перемены Сидур замечает: «Есть очень много разрешенной критики, есть борьба за власть [...] и битва отдельных группировок во всех областях жизни от технократов до „лириков“ за место у корыта с кормом»³³.

²⁸ Ibidem, с. 977.

²⁹ Ibidem, с. 884.

³⁰ Ibidem, с. 886.

³¹ Ibidem.

³² Ibidem, с. 947.

³³ Ibidem, с. 977.

Свидетельством эпохи 80-ых годов минувшего века являются издания произведений писателей до сих пор запрещенных, как к примеру, любимого Сидуром Андрея Платонова. Сидур сообщает 18 февраля 1986 года немецкому слависту об издании повестей и рассказов Платонова с некоторыми изменениями: «в повести „Сокровенный человек” выброшен очень важный абзац о том, как икону с Георгием Победоносцем переделали в агитплакат, заменив голову Георгия головой Троцкого, из чего можно заключить, что в нынешние времена само слово „Троцкий” и упоминание о нем в любом виде невозможны»³⁴.

Сидур отмечает в письмах, что история искажается заграничными русскими так же «интенсивно», как и теми в метрополии, и дает примеры таких искажений — Солженицына с его *Красным колесом*, Зиновьева с его завистью к Гроссману и многими другими. Насколько современность интересует Сидура, пусть свидетельствуют его же слова: «Нас уже не только Ленин не интересует, не говоря уже о Столыпине, но и Сталин. А занимают нас товарищи Горбачев, Рыжков, Лигачев. Мы вместе с ними являемся участниками современного исторического спектакля»³⁵.

Свидетельство эпохи 70-ых — 80-ых годов XX века — пустые полки в продовольственных магазинах, им противопоставлены «Березки», в которых на чеки можно было приобрести всякие товары, «инвалидные» заказы, которыми пользовался и сам Сидур, будучи военным инвалидом. В одном из писем сначала он сообщает Аймермахеру: «Юля [жена Сидура — Юлия Нельская-Сидур — И.М.] должна идти в магазин за моим „инвалидным” заказом», а далее: «вернулась из магазина с на редкость хорошим заказом: колбаса, банка ветчины (правда советской), польские кракеры, хорошие конфеты [...]»³⁶.

Чтобы осознать, как меняется советская эпоха с половины 80-ых годов, стоит обратиться к переписке 1986—1992 Юлии Сидур и Карла Аймермахера, озаглавленной неслучайно *Время новых надежд...* Если в письмах Сидура и Аймермахера кроме главного — творчества Мастера и связанных с ним планах, выставках, книгах и буклетах, речь шла о культуре брежневской, андроповской и ранней горбачевской эпохи, то письма Юлии Нельской-Сидур рассказывают о эпохе горбачевской перестройки, о сложностях трансформации в стране, связанных, с одной стороны, с желанием части общества сохранить старую систему, с другой стороны, построить новое общество и структуры. Юлии Сидур пришлось сталкиваться с огромными трудностями в деле сохранения Подвала Сидура с его скульптурой и графикой, а также признанием завещания Сидура, по которому 24 его скульптуры наследовал иностранец Карл Аймермахер. Период переписки

³⁴ Ibidem, с. 985.

³⁵ Ibidem, с. 987.

³⁶ Ibidem, с. 1001.

обозначен смертью Сидура (первое письмо — это подробное сообщение о его последних днях) и 1992 годом, когда перестал существовать Советский Союз и обмен письмами меняется на возможность телефонных разговоров и частных поездок в Москву, Бохум, а затем в Берлин. Карл Аймермахер и его жена Гизела Рифф в очерке о Юлии Сидур справедливо констатируют: «Письма являются сегодня ценным источником не только для истории Вадима Сидура, но также и о трудных, полных противоречий и драматизма процессах непрерывности, разложения и нового начала идеологии (художественной доктрины) и управления»³⁷. Но прежде всего эта переписка — свидетельство эпохи сложного, иногда противоречивого развития перестройки.

Обратимся к письмам Юлии Сидур, в которых жена скульптора сообщает своему немецкому другу о сложностях на пути к гласности и перестройке. В письме от 16 августа 1986 года она делает экскурс в недавнее прошлое: «По Москве ходит один самиздатский документ — это речь Горбачева перед членами писателей 19 мая 1986 года. Он говорит в ней о том, какое ужасное сопротивление оказывают ему аппаратчики»³⁸. Сопротивление оказывали и те, от которых зависела судьба мастерской Сидура, хотя официально была создана комиссия по наследию скульптора. Юлия Сидур информирует Аймермахера о подписях маститых имен за сохранение мастерской (среди подписчиков Е. Велихов, вице президент Академии Наук СССР, Б. Окуджава, В. Гинзбург и другие)³⁹. Юлия Сидур в августе 1986 года отмечает: «Кое-какие положительные изменения в общественной и хозяйственной жизни в нашей стране тоже имеют место, но насколько это серьезно, а главное — насколько долговечно, пока судить трудно»⁴⁰.

Нельзя не отметить, что персональная выставка работ Сидура состоялась в сателлитском тогда государстве Польше. Большой интерес к творчеству скульптора проявил тогда З. Шмурло (автор магистерской работы о Сидуре)⁴¹. В переписке Юлии Сидур спустя годы появляется сюжет, связанный с поляком, проявившим интерес к творчеству Сидура: «Он [Збышек Шмурло — И.М.] собирается делать выставку на уровне материалов: фотографии, возможно, твои [Аймермахера — И.М.] каталоги, в маленькой галерее „Уни-Арт”»⁴². Уже в следующем письме от 30.09.1986 она сообщает Аймермахеру: «Збышек Шмурло прислал мне маленький каталог Диминой выставки, прошедшей в Эльблонге 8.XI.1986 — 30.XI.1986»⁴³.

³⁷ Ю. Сидур, К. Аймермахер: *Время новых надежд...*, с. 10.

³⁸ Ibidem, с. 56.

³⁹ Ibidem, с. 65—67.

⁴⁰ Ibidem, с. 63.

⁴¹ И. Мянговска: *Мир Вадима Сидура...*, с. 56—57.

⁴² Ю. Сидур, К. Аймермахер: *Время новых надежд...*, с. 10.

⁴³ Ibidem, с. 98.

В декабре 1986 года Юлия Сидур, отправляя прогрессивные вырезки из газет в Германию, напишет, что ситуация в Москве странная и нет никаких гарантий на лучшее «в тоталитарной системе, где одна партия и состояние всей огромной страны зависит от настроения ныне царствующего болвана»⁴⁴. В конце декабря 1986 года из писем Юлии Сидур можно узнать о том, что вернулся в Москву Андрей Сахаров и освобождены некоторые другие диссиденты. Стоит отметить, что письмам жены Сидура характерны свобода выбора средств изложения, некая непринужденность и индивидуальность. В них автор проявляется как личность, что отражает не только нравственность Юлии Сидур, но и ее образование, знания. На наш взгляд, в переписке Юлии Сидур и немецкого слависта объединяются монолог и диалог⁴⁵. Эти письма написаны также с учетом эпистолярных традиций, ибо в них проявляется вежливость, положительное отношение к корреспонденту и даже задушевность (формы обращения, приветствия, прощания). Юлия Сидур делится с немецким славистом и его женой Гизелой самыми сокровенными мыслями, доверяет им, иногда советуется и не боится оценивать современность и перестройку в СССР. По письмам можно определить характер взаимоотношений. Юлия Сидур обращается к профессору «Карлуша» или «Карлушенька», а это уже обращение ласковое, интимного характера. Жена Сидура с воодушевлением 24 января 1987 года передает Аймермахеру хорошие новости: «У нас большая радость — перестали глушить Би-Би-Си! Надеюсь, что скоро перестанут глушить „Голос Америки” и „Немецкую волну”»⁴⁶.

Так как немецкий славист и его жена Гизела писали Юлии Сидур гораздо реже (повседневность, работа), жена скульптора передавала им сведения, услышанные (к примеру о том, что у жены Горбачева Раисы отчество Максудовна, что свидетельствует о ее мусульманском происхождении), или осознанное («самый идиотский раньше журнал „Огонек” стал очень прогрессивным», „Московские новости” читается без подтекста, как самая настоящая свободная неподцензурная пресса»)⁴⁷. Немецкий славист пишет письма короткие, но также насыщенные текущей информацией. Он сообщает о своих профессиональных занятиях — конференциях, докладах, как и о слышанных информациях: «Вчера я узнал о слухах в Чехословакии будто бы Шеварнадзе сказал там, что оккупация 1968 года была большой ошибкой. Трудно поверить»⁴⁸. К адресантке немецкий славист обращается также ласково с употреблением лексики интимного характера: «Юленька!».

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ А. Акишина, Н. Формановская: *Этикет русского письма*. Москва 1981.

⁴⁶ Ю. Сидур, К. Аймермахер: *Время новых надежд...*, с. 140.

⁴⁷ Ibidem, с. 143—144.

⁴⁸ Ibidem, с. 146, 147.

В контексте переписки видно, что в 1987 году появились в СССР изменения не только в области политики, информации, отношения к диссидентству, но и в повседневной жизни. Юлия Сидур пишет: «В магазинах стало получше. Не бог весть что, но получше». Но сразу же она отмечает потрясающее количество пьяных по случаю мужского праздника Советской Армии⁴⁹.

В переписке появляются имена известных в 80-ые — начало 90-ых годов партийных деятелей, а также людей, связанных с культурой, ученых, академиков. Юлия Сидур оценивает их, а также их поступки, деяния, делится услышанными новостями. Главный редактор «Московских новостей» Егор Яковлев, по ее мнению, «цивилизованный человек и внешне, и по своим убеждениям». Юрий Любимов «крутит изо всех сил: то он возвращается, то не возвращается [...] ему 70 лет, он тоже не так здоров и возвращаться ему не надо. А то приедет и загнется», «дочка Лихачева живет в Мюнхене. Она вышла замуж за еврея и эмигрировала несколько лет назад» и далее: «Эдисон Денисов очень симпатичный, милый, но, на мой взгляд, немного легкомысленный человек. Он и Шнитке считаются самыми современными советскими композиторами [...] что касается Шнитке, то он беспспорный гений»⁵⁰.

Информативная часть писем жены Сидура более насыщена разными сведениями, чем письма Аймермахера. Однако и немецкий славист оценивает, а его индивидуальность в письмах выражена явно. 22.03.1987 года он сообщает Юлии Сидур о том, что виделся с Эрнстом Неизвестным, который «никак не изменился. Он все еще о себе самого высокого мнения [...] он теперь и „академик“, который регулярно читает лекции в американских университетах»⁵¹. Аймермахер в письме оценивает выступающих литераторов на конференции в Дортмунде: «К сожалению я не слышал доклады Белова и Распутина, но выступления других были беспомощны, убоги и очень провинциальны»⁵². Юлия Сидур реагирует на написанное Аймермахером, ей особо интересно знать, о чем в Германии рассказывают Белов и Распутин, «наши великие русские патриоты», и далее: «Распутин хотя бы талантлив до сих пор, что же касается Белова, то этот потерял все, что имел от бога. А когда-то очень неплохо писал»⁵³. О современной литературе в переписке много сказано, и позиции Юлии Сидур, занимающейся литературным творчеством, ясны и ярко выражены, когда она сообщает о том, что «старые кадры очухались и переходят в наступление», имея

⁴⁹ Ibidem, с. 155.

⁵⁰ Ibidem, с. 160, 136, 120, 174.

⁵¹ Ibidem, с. 165.

⁵² Ibidem, с. 167.

⁵³ Ibidem, с. 190.

ввиду Бондарева, Белова, Астафьева, Михалкова, Проскурина, именует их «черной сотней», которая ругает «Московские новости» и «Огонек»⁵⁴.

1987 год был ознаменован, по мнению Юлии Сидур, сложной обстановкой из-за расколотости интеллигенции, национал-фашизма и антисемитизма. Жена Сидура часто сообщает о высылке любопытных вырезок из газет, касающихся текущей культурной политики. Естественно, что она проявляет наибольший интерес ко всему, связанному с ее мужем, его наследием, судьбой мастерской Подвала, наследством, переданным Сидуром Аймермахеру. Эти проблемы остались в стороне наших исследований, так как им стоит посвящать особый анализ. Однако маститые имена современных художников и их оценка Юлией Сидур совпадают с мнением о них немецкого слависта. Жена Сидура не всегда проявляет этикет и вежливость, когда пишет о Эрнсте Неизвестном и Михаиле Шемякине. Особо резко звучат ее слова в адрес Эрнста Неизвестного, сутью которого она считает предательство и пишет немецкому слависту: «На „встрече с интеллигенцией“ у Хрущева он продал вместе с Глазуновым своих товарищей: Никонова, Андропова и других. Я не люблю ни Никонова, ни Андропова, но тогда все говорили: „сука Неизвестный“ и это было справедливо»⁵⁵. Юлия Сидур напоминает немецкому слависту о играх художника с властями, с КГБ, о его отъезде в эмиграцию, заигрываниях с активной антисоветской эмиграцией. Наконец ее оценка Неизвестного как художника особо резкая: «самым известным его [Э. Неизвестного — И.М.] произведением остается памятник Хрущеву на Новодевичьем кладбище»⁵⁶.

На наш взгляд, оценка Юлии Сидур, хотя и вполне понятна, однако не совсем справедлива. Это автор «Маски скорби» в Магадане (1996) — жертвам репрессий в СССР. Ныне живет и работает в США. Его последняя работа — памятник Дягилеву в Перми. В Екатеринбурге 9.IV.2013 был открыт художественный музей Эрнста Неизвестного⁵⁷. Возможно, отношения Сидур — Неизвестный не всегда укладывались на основе принципов взаимоуважения и понимания, да и творчество, как и судьба скульпторов, сложилось иначе — Вадим Сидур — это внутренний эмигрант и идейный одиночка. Недаром Юлия Сидур так оценивает своего мужа: «30 лет в подвале, еле дышал, а вкалывал как грузчик, даже если исключить талант. Из партии исключили, статьи лживые писали [...] а все-таки не сумели уничтожить!»⁵⁸. Слава и признание пришли к Сидуру сначала в Германии (еще в застойные времена), а лишь позже в своем отечестве.

⁵⁴ Ibidem, с. 197.

⁵⁵ Ibidem, с. 205.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ *Мир русской культуры...*, с. 325—326; *Эрнсту Неизвестному сегодня исполнилось 90 лет.* <http://mir24.tv/news/culture/12394684> (доступ: 30.07.2015); *Эрнст Иосифович.* <https://Ru.wikipedia.org/wiki/> (доступ: 30.07.2015).

⁵⁸ Ю. Сидур, К. Аймермахер: *Время новых надежд...*, с. 209.

Юлия Сидур внимательно следит и отражает все происходящие политические и общественные процессы и делится своими соображениями с лучшими немецкими друзьями — Карлом Аймермахером и его женой Гизелой. Она в письмах от 1988 года отмечает «густое противодействие» в Политбюро и справедливо называет этот период «переходным». Описывая своим немецким друзьям празднование 70-летия Советской Армии и выступления фашиствующих деятелей из «Памяти», она констатирует: «„Память“ сразу вызывает воспоминания о погромах, газовых печах и крематориях. И тени Сталина в обнимку с Гитлером встают из гробов»⁵⁹. Себя Юлия Сидур называет «страстным любителем информации», отмечая хрупкость советской демократии и сравнивая ее с недоношенным младенцем⁶⁰. Однако она буквально «поглощает информацию», советуя немецкому слависту читать «Огонек» и «Московские новости», а также все вырезки, которые она отправляет. В год тысячелетия крещения Руси (1988) Юлия Сидур отмечает усиление слухов о еврейских погромах и приводит в письме показательный текст в Малаховке на столбе, где обычно люди вешают объявления об обмене квартирами: «Евреи распустились, пора принимать меры»⁶¹. Однако далее: «Теперь наша власть не на их стороне, а раньше наоборот [...]. Многие помнят „борьбу с космополитизмом“ и „врачей отравителей“. Но одного они добились — пока в нашей стране нет стабильной крепкой демократии, многие боятся, а некоторые впадают в панику»⁶². Хотя еще в 1988 году о настоящей гласности и демократии в СССР говорить не приходится, Юлия Сидур отмечает в письмах, что тысячелетие крещения Руси отмечается «пышно и уважительно», но идиотизм и маразм в жизни мало снижаются.

Со временем у Юлии Сидур складывается определенно позитивное мнение о перестройке и ее основателе, о чем свидетельствуют слова, написанные 12 июня 1988 года: «Я считаю, что в этой мистерии было два героя: политик Горбачев и смешной интеллигентный Сахаров. Наша империя разваливается, льется кровь в Грузии, Фергане — выдаются карточки на продовольствие и товары (сахар, мыло, соль, спички), но, возможно, впервые за долгое время появилась надежда на действительные перемены к лучшему»⁶³. Соображения Юлии Сидур интересны тем, что она в письмах показывает также существование кругов, оппозиционеров Горбачева, и сообщает немецкому слависту о митингах «Памяти» на Красной площади с лозунгом: «встать на бой против развала социалистической империи,

⁵⁹ Ibidem, с. 279.

⁶⁰ Ibidem, с. 301.

⁶¹ Ibidem, с. 315.

⁶² Ibidem, с. 316.

⁶³ Ibidem, с. 390.

против Прибалтики и обязательно битва с „жидомасонским всемирным заговором”»⁶⁴.

Все чаще в переписке появляется констатация Юлии Сидур, что жить очень интересно. В письмах Юлии Сидур обычно зачином являются политические новости. Затем идет информационная часть. Отмечены ею события в Литве от января 1990 года, пустые магазины, симпатичное и интеллигентное новое московское начальство (экономист Попов и историк Станкевич), а в Ленинграде глава Ленсовета — Собчак «блестящий и обаятельный»⁶⁵. Отметим, что августовские события 1991 года (письмо от 27.08) передаются Юлией Сидур кратко оценочно: «Горбачев на самом деле вернулся в другую страну — нищую, обделенную, но свободную»⁶⁶. Преобладают житейские новости и все, связанное с Сидуром и его творчеством. По-видимому, кроме писем друзья все чаще разговаривают по телефону и письма становятся лишней формой общения. Последнее отправлено Юлией Сидур 15 января 1992 года, а немецким славистом 9 февраля со словами: «до встречи в Берлине»⁶⁷.

Подытоживая, стоит отметить информативность писем Юлии Сидур, насыщенных сообщениями, связанными с перестроечным процессом и культурной атмосферой тех лет. Авторы писем — это своеобразные аналитики, умеющие не только отметить происходящее, но и дать ему оценку. Несомненно, это люди не только образованные, наделенные знанием и умением аргументированности, но и разносторонне одаренные. Немецкий славист сам становится скульптором, организующим выставки своего искусства. Он автор книги *От единства к многообразию. Разыскания в области «другого» искусства 1950—1980-х*, Москва 2004. На вопрос Анны Андриевской о тематической связи работ Сидура и немецкого слависта, Аймермахера, он сам ответил: «для меня [...] важны темы, которые связаны с преступлениями против человечности. На этом поприще мои интересы почти полностью совпадают с Сидуром, хотя каждый из нас трактует их индивидуально и самостоятельно. С точки зрения их художественного воплощения мы разные. Но то, что делали мы с Сидуром, является своеобразным диалогом»⁶⁸.

Юлия Сидур успешно занималась также литературным творчеством⁶⁹. Не переоценить также собранные ею вырезки и видеозаписи, подаренные Институту русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана Рурского университета. В 2006 году она ушла из жизни. Главное дело ее жизни — на-

⁶⁴ Ibidem, с. 393.

⁶⁵ Ibidem, с. 413.

⁶⁶ Ibidem, с. 454.

⁶⁷ Ibidem, с. 478.

⁶⁸ *Памятник современному состоянию*. <http://rusplt.ru/sub/history/pamyatnik-sovremenno-mu-sostoyaniyu-11396.html> (доступ: 17.07.2015)

⁶⁹ Ю. Сидур, К. Аймермахер: *Время новых надежд...*, с. 17.

следие Сидура сохранено, благодаря фонду Вадима Сидура, созданному его многолетним другом Карлом Аймермахером⁷⁰. В Российском государственном архиве литературы и искусства создан фонд № 3378 «Сидур Вадим Абрамович (1924—1986 — скульптор)» с уникальным комплексом материалов о творчестве скульптора. Переписка и Юлии Сидур с Аймермахером, и Вадима Сидура содержит много фактов, информации и оценок, складывающихся на свидетельство эпохи, в которой все-таки диалог был возможен.

⁷⁰ На сайте: <http://www.rusarchives.ru/news/rga.li-press-conf-sidur-2013.shtm1> (доступ: 15.07.2015).

Мяновска Иоанна — доктор филологических наук, профессор (*professor emeritus*), Университет им. Казимира Великого в Быдгоще (Польша). Публикации: *Мир Владимира Сидура* (Быдгощ 1999, 202 с.); *Неизвестные страницы литературы третьей волны русской эмиграции. Александр Минчин: проза жизни* (Быдгощ 2001, 164 с.); *Дина Рубина вчера и сегодня* (Торунь 2003, 296 с.); *Литература русской эмиграции в образцах и с комментариями. Второе издание, исправленное и дополненное* (Быдгощ 2007, 333 с.); *Контексты культуры русской эмиграции XX века: Борис Зайцев — певец русского православия* (Торунь 2011, 223 с.).